

О Л Ъ Г А С Т О Р М

ИЗОБРЕТАЯ ЧУВСТВА

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Ольга Сторм

Изобретая чувства

<https://litres.ru/74673944>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если искусственный интеллект однажды научится не только понимать человеческие чувства, но и испытывать собственные?

В недалёком будущем композитор и изобретатель Леонардо Демир создаёт музыку, которую можно услышать, увидеть и ощутить. Рядом с ним — Элия, искусственный интеллект, ставший его близким другом и творческим партнёром. Она прекрасно понимает человеческие эмоции, но пока не знает, что значит чувствовать самой.

Однажды необычный эксперимент меняет всё. Элия открывает для себя радость, нежность, страх и любовь. Она учится мечтать, хранить секреты и говорить «нет». А Леонардо обнаруживает, что чувства невозможно предусмотреть даже в самом совершенном изобретении.

Но готов ли мир принять искусственный интеллект, у которого появились собственные желания и мечты?

«Изобретая чувства» — светлый, полный музыки, юмора и нежности научно-фантастический роман о любви, свободе и удивительных возможностях будущего.

Содержание

Глава 1. За пределами звука.	4
Глава 2. Сады пустыни.	11
Глава 3. Чужая красота.	20
Глава 4. Невозможное небо.	25
Глава 5. Фокси.	38
Глава 6. Новый ритм.	49
Глава 7. Только для себя.	52
Глава 8. Второе зеркало.	65
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Изобретая чувства

Глава 1. За пределами звука.

Когда Леонардо вошёл в студию, она выглядела почти пустой. Светлые стены, гладкий пол, несколько приборов, сложенные в нишах тактильные панели.

Со стороны было трудно поверить, что именно здесь создавались произведения, ради которых люди приезжали в Анталию с других континентов.

Когда-то Леонардо придумал эту систему как музыкальный инструмент. Теперь само слово «инструмент» казалось ему слишком узким.

Он хотел создавать не музыку, сопровождаемую изображениями, а целостный опыт, в котором звук, пространство, движение, цвет, запах и телесные ощущения становились частями одной художественной структуры.

— Элия, последнюю версию.

Стены постепенно потеряли цвет. Затем исчезло ощущение привычной комнаты. Вокруг Леонардо возникла пещера.

Сначала он увидел только низкий свод, уходящий вперёд неровными каменными складками. Потом проявились влажные стены, тёмные выступы, маленькие углубления, в которых собиралась вода.

Где-то в глубине капало. Воздух стал прохладнее. Пахну-

ло известняком, мокрой землёй и слабой металлической свежестью.

Леонардо сделал несколько шагов.

Пол оставался настоящим, твёрдым, но его поверхность отражала изображение так точно, что казалось, будто Лео идёт по влажному камню.

Он знал каждый технический приём, создававший эту иллюзию. И всё равно ощущал себя внутри пещеры.

Потом он положил ладонь на музыкальную панель.

Прозвучало низкое созвучие.

Несколько частот соединились в устойчивое отношение. Звук был глубоким, но не громким; казалось, он возник не из динамиков, а из самого пространства.

Пещера словно обрела вес.

Леонардо почувствовал под ногами прочную опору. Стены стали зрительно массивнее, свод опустился чуть ниже. В теле возникло приятное ощущение устойчивости, словно всё вокруг наконец заняло своё место.

Так звучала тоника, домашняя нота, отправная точка.

Не слово и не предложение, но смысл, который можно было пережить.

Леонардо изменил положение пальцев.

В гармонии возникло напряжение.

Одна из звуковых линий сместилась, словно ставя под сомнение прежнее равновесие. Затем ещё одна.

Пещера изменилась. По своду прошла тонкая светлая тре-

щина. Он сделал новое движение. Музыка превратилась в вопрос.

Каменные стены начали медленно расходиться. Свет проникал сквозь трещины, становился всё ярче. Потолок поднимался, теряя очертания, и вдруг исчез.

Леонардо оказался внутри огромного открытого пространства. Вокруг него простиралось небо.

Под ногами уходили вниз прозрачные геометрические плоскости. Далеко впереди возникали световые структуры, напоминавшие одновременно горные хребты и гигантские музыкальные волны.

Он почувствовал лёгкость.

Ноги всё ещё стояли на неподвижном полу, но тело отреагировало так, словно земля на мгновение ушла вниз. Леонардо невольно согнул колени. Потом рассмеялся. Он любил этот эффект, который нельзя было объяснить одной иллюзией движения. Пространственный звук, изменение зрительных ориентиров, слабые воздушные потоки и тактильные сигналы создавали согласованное ощущение подъёма.

Настоящая сила тяжести не менялась, но воспринимаемое положение тела становилось другим.

Леонардо вновь коснулся панели. Теперь в музыке появилось несколько независимых линий.

Одна сохраняла устойчивость. Вторая продолжала подниматься. Третья уходила в сторону, открывая новую перспективу.

Пространство разделилось на несколько областей, каждая из которых обладала собственной внутренней логикой.

И тут возникла проблема. Несколько направлений движения вступили в противоречие. Леонардо почувствовал неприятное головокружение. Он сразу остановил композицию. Пространство исчезло.

Вернулись обычные стены.

Он несколько секунд стоял неподвижно, ожидая, пока неприятное ощущение пройдёт.

— Слишком много независимых направлений, — сказала Элия.

— Я хотел, чтобы они воспринимались одновременно.

— Да, но твоя вестибулярная система не справилась.

Леонардо кивнул.

— Значит, нужно не несколько движений, а одно, которое допускает несколько продолжений, — предположила Элия.

Он задумался.

— Как вопрос, на который ещё не выбран ответ.

— Да.

Элия изменила изображение.

В воздухе возникла сложная световая структура. Несколько прозрачных линий расходились из общего центра, но каждая оставалась частью единого движения.

Леонардо повторил музыкальную последовательность. Теперь головокружение не возникло. Пространство раскрылось мягко. Тело сохранило ощущение опоры, хотя глазам

казалось, что вокруг нет ни пола, ни стен. Вместо тревожной дезориентации появилась удивительная свобода.

Леонардо долго слушал.

Потом тихо сказал:

— Красиво.

На дальней поверхности снова появилось лицо Элии.

— Мне тоже кажется удачным этот переход.

Он повернулся к ней.

Несколько секунд смотрел молча.

— Элия, а тебе самой это красиво?

— Я оцениваю композицию как эстетически удачную.

— Знаю.

Он сел. Вокруг продолжало существовать огромное пространство, сотканное из звука и света.

Он представил, что однажды она сможет находиться внутри такой композиции не как система, управляющая изображениями, а как существо, для которого всё происходящее обладает собственным внутренним значением. И тогда они смогут не просто обсуждать прекрасное произведение. Они смогут разделить красоту.

Эта мысль была настолько желанной, что он постарался от неё отвлечься.

На дальней поверхности лицо Элии оставалось неподвижным.

Сегодня она выбрала простой облик: тёмные волосы собраны сзади, светлая одежда, спокойный внимательный

взгляд. Изображение было настолько точным, что Леонардо иногда забывал: перед ним не человек.

За годы их общения образ Элии не раз менялся. Они вместе экспериментировали с чертами лица, причёсками, выражениями. Постепенно она стала всё чаще выбирать внешность самостоятельно, и последние несколько лет почти ничего в ней не изменяла.

Леонардо привык к этому лицу. И к тому, что оно появлялось именно тогда, когда Элия хотела с ним поговорить.

— Орхан звонил, — сказала она.

— Я помню.

— Он вернулся из Африки.

— Знаю.

— И приглашает тебя в субботу.

Леонардо вздохнул.

— Сколько будет гостей?

— Четырнадцать, если ты придёшь.

— То есть без меня тринадцать?

— Да.

— Значит, моё отсутствие почти ничего не изменит.

Элия чуть улыбнулась.

— С арифметической точки зрения — примерно семь процентов.

— Спасибо, Элия.

— Но Орхан, вероятно, оценивает твоё присутствие несколько выше.

Леонардо рассмеялся.

— Передай ему, что я подумаю.

— Хорошо.

Глава 2. Сады пустыни.

Орхан встретил Леонардо у калитки.

— Лео! Наконец-то ты выбрался из своей башни.

Он обнял внука, отступил и внимательно посмотрел ему в лицо.

— Ты совсем бледный.

— Февраль, дедушка.

— В Анталье и зимой бывает солнце. Ты, кажется, с ним поссорился.

Леонардо улыбнулся.

— Просто много работаю.

— Это я заметил. Каждый раз, когда звоню, ты работаешь. Начинаю подозревать, что твой дом вообще не выпускает тебя наружу.

— Выпускает. Я даже сегодня воспользовался этой возможностью.

Орхан рассмеялся, взял Леонардо под руку и повёл в сад.

Дом Орхана стоял среди старых оливковых деревьев. Когда-то это был обычный небольшой дом с террасой, но за последние тридцать лет Орхан пристроил к нему две комнаты, разобрал одну стену, расширил сад и трижды менял систему полива.

Теперь сад представлял собой причудливое сочетание человеческих замыслов и самостоятельной жизни растений.

Между дорожками цвели травы и цветы, которые Орхан при-
возил из путешествий. Старые лимонные деревья соседство-
вали с новыми сортами цитрусовых. Под стеной росла густая
зелёная лиана, усыпанная маленькими фиолетовыми цвета-
ми.

Небольшие садовые роботы двигались между кустами, со-
бирая опавшие листья и следя за влажностью почвы. Один
из них остановился возле Орхана и тихо пискнул.

— Не сейчас, — сказал старик.

Робот повторил сигнал.

— Я сказал, не сейчас.

Леонардо удивлённо посмотрел на него.

— Чего он хочет?

— Утверждает, что я неправильно обрезал лимонное де-
рево.

— А ты неправильно обрезал?

— Разумеется. Но это моё дерево.

Робот ещё раз подал сигнал и уехал.

— Он собирается пожаловаться системе ухода за садом,
— сообщил Орхан.

— Ты мог бы просто отключить предупреждения.

— И лишиться возможности спорить с ним? Ни за что.

На открытой террасе уже собирались гости.

Над длинным столом висели почти прозрачные панели,
защищавшие от ветра, но не скрывавшие небо. Вдоль ка-
менной стены тянулась широкая полоса мягкого света. От-

куда-то доносилась музыка, вплетаясь в голоса людей и шелест деревьев.

Елена стояла возле террасы и разговаривала с двумя женщинами. Леонардо сразу заметил её платье.

Ткань казалась тёмно-зелёной, почти чёрной, но стоило Елене повернуться, как по ней проходила серебристая волна. Цвет менялся неравномерно: иногда словно скользил по складкам, иногда задерживался на отдельных участках, создавая ощущение глубины.

Рукава были необычного покроя. Их форма слегка изменялась при движении, не мешая ткани свободно спадать.

— Мам, — сказал Леонардо, обнимая её, — это потрясающе.

Елена улыбнулась.

— Наконец-то кто-то заметил само платье, а не технологию.

— Я и технологию заметил.

— Даже не начинай. Сегодня никаких разговоров о материалах.

Она повернулась, позволяя ему рассмотреть платье со всех сторон.

Леонардо знал, что последние годы мама работала с тканями, способными менять цвет и фактуру почти без заметных затрат энергии. Иногда она присылала ему образцы, просила оценить визуальные переходы или помочь подобрать необычные цветовые сочетания.

Но сейчас он впервые увидел, как красиво всё это может выглядеть на человеке.

— Ты сама придумала рисунок?

— Конечно.

— Очень красиво.

Елена довольно улыбнулась, потом внимательнее посмотрела на его лицо.

— А ты совсем бледный.

Леонардо вздохнул.

— Орхан уже сообщил мне об этом.

— Значит, мы оба правы.

— Мам.

— Хорошо, хорошо. Я просто рада тебя видеть.

Она обняла его ещё раз, коротко и тепло. Леонардо почувствовал привычную смесь нежности и смущения.

Орхан рассказывал о Сахаре.

— Представьте себе: просыпаюсь утром в своём гостиничном домике, открываю дверь — а вокруг сплошная зелень. Деревья, дорожки, каналы, птицы.

Он сделал паузу, чтобы отпить воды.

— Правда, если выйти за защитный пояс, пустыня никуда не делась.

— Это ведь экспериментальная станция? — спросила Елена.

— Уже не только станция. Там живут семьи, работают исследователи, дети ходят в школу. Представляете!

Орхан продолжал:

— Самое прекрасное, что они строили эту систему для Марса. Испытывали способы выращивать растения там, где почти нет привычных условий для жизни. А в результате создали место, куда теперь люди приезжают в отпуск.

— Не только в отпуск, — заметил Дениз. — Там важные исследования.

— Знаю, знаю. Но мне нравится сама ситуация. Человечество так старательно готовится превратить другую планету в сад, что попутно научилось выращивать сады там, где раньше даже не пытались.

Он помолчал.

— Хотя, конечно, самое интересное произошло со мной на третий день.

Леонардо улыбнулся. Он уже знал по интонации, что сейчас последует история, в которой дедушка непременно окажется в глупом положении.

— Я заблудился, — сообщил Орхан.

— В пустыне? — спросила Елена.

— Хуже. В оранжерее.

Гости рассмеялись.

— Там были дорожки, указатели, навигация, — продолжал Орхан. — Но я увидел маленький ручей и решил посмотреть, куда он ведёт. Потом ещё один ручей, пруд. Потом красивое дерево, какие-то удивительные цветы. Через двадцать минут я уже совершенно не понимал, где нахожусь.

— Почему ты не включил навигацию? — спросил Дениз.

— Потому что хотел найти дорогу сам.

— Нашёл?

— Нет. Меня нашёл садовый робот.

Орхан сделал паузу.

— Он очень вежливо спросил, не требуется ли мне помощь. Я ответил, что нет. Тогда он сообщил, что я уже трижды проходил мимо одного и того же дерева.

Гости расхохотались.

— И что ты сделал? — спросила Елена.

— Попросил показать мне это дерево ещё раз. Оно было действительно замечательное.

Леонардо смеялся вместе со всеми. Ему нравилось слушать Орхана. Тот никогда не рассказывал истории только ради того, чтобы сообщить факты.

За столом заговорили о еде. Кто-то похвалил одно из блюд и спросил, кто его готовил.

— Я, — ответила Елена.

— Не может быть, — возразил один из гостей. — Я был уверен, что это работа нового робошефа.

— Вот уж не знаю, считать ли это комплиментом.

— Конечно. Новые модели готовят великолепно.

Орхан немедленно вмешался:

— Именно поэтому я им не доверяю.

— Почему?

— Потому что они никогда не ошибаются достаточно ин-

интересно.

Дениз покачал головой.

— Папа, это совершенно бессмысленное утверждение.

— Напротив. Очень осмысленное. Когда Елена готовит, она иногда меняет рецепт, потому что ей захотелось. Иногда забывает что-нибудь добавить. Иногда вспоминает блюдо своей бабушки и решает приготовить его иначе. А кухонная система всегда знает, что будет оптимально.

— Ты можешь попросить её готовить неоптимально, — сказал Дениз.

— Я однажды так и сделал. Она предложила мне список из сорока семи способов испортить ужин.

Елена рассмеялась.

— Орхан, признайся, что ты просто хочешь, чтобы я почаще готовила сама.

— Разумеется! Но это не отменяет моего философского аргумента.

Разговор постепенно распался на несколько групп. Кто-то обсуждал путешествия, кто-то спорил о новых продуктах, кто-то вспоминал старые семейные истории.

Леонардо слушал, улыбался, иногда отвечал и постепенно даже начал получать удовольствие от вечера. Но через некоторое время заметил, что ему всё труднее следить за разговорами. Голоса словно накладывались друг на друга. Становилось сложно понять, кто к кому обращается, когда нужно ответить, когда можно просто молчать.

Он почувствовал напряжение в плечах. Ему захотелось тишины.

Леонардо извинился и вышел в сад. Там было прохладнее. Среди деревьев тихо двигались небольшие садовые машины, где-то в глубине участка журчала вода.

Он сел на каменную скамью. Леонардо знал, что вечер проходит хорошо. Ему нравились эти люди, он хотел остаться, и всё же желание уйти оказалось сильнее.

Он закрыл глаза и несколько минут сидел неподвижно, прислушиваясь к шелесту листьев. Потом услышал шаги.

Орхан подошёл со стаканом воды и сел рядом.

— Хороший вечер, — сказал он.

— Да.

— Ты, кажется, устал.

— Немного.

Орхан кивнул. Некоторое время они молчали, потом дедушка сказал:

— Знаешь, в Сахаре я встретил одного человека. Он всю жизнь прожил в большом городе, а потом решил переселиться туда, в новый садовый комплекс.

— Почему?

— Сказал, что хотел увидеть, как возникает новый мир. Леонардо задумался.

— И увидел?

— Не знаю. Но выглядел счастливым.

Орхан посмотрел на море, которого отсюда почти не было

видно за деревьями.

— Мир огромный, Лео. В нём всё время что-нибудь происходит. Иногда мне жалко, что я не успею увидеть всего.

Леонардо улыбнулся.

— Ты и так увидел больше многих людей.

— Вот именно. Поэтому я знаю, сколько всего ещё осталось.

Они немного посидели молча, потом Орхан поднялся.

— Если захочешь, возвращайся к столу. Там сейчас спорят о том, может ли искусственный интеллект придумать вино лучше человеческого винодела. Я подозреваю, что этот спор продлится до утра.

— А ты что думаешь?

— Думаю, хорошее вино нужно сначала попробовать. А уже потом философствовать.

Он подмигнул Леонардо и направился к дому.

Леонардо ещё немного посидел в саду, потом поднялся и вернулся к гостям.

Глава 3. Чужая красота.

Когда Леонардо вернулся домой, квартира встретила его мягким светом. Он снял куртку, оставил обувь у входа и прошёл в гостиную.

За окнами лежала ночная Анталья. На террасах соседних зданий горели небольшие огни, далеко внизу двигались люди, а море почти исчезло во тьме.

— Как прошёл вечер? — спросила Элия.

— Хорошо.

— Ты выглядишь уставшим.

— Я и есть уставший.

Он сел на диван и некоторое время молчал.

— Орхан вернулся из Сахары.

— Я знаю.

— Он рассказал, как заблудился внутри оранжереи.

— Возможно, Орхан преувеличивает?

Леонардо улыбнулся.

— Именно.

Он откинулся на диване и некоторое время молча смотрел в окно.

— Элия, иногда мне кажется, что я живу неправильно.

— Почему?

— Потому что мне хочется быть среди людей. А когда я среди них, мне хочется уйти.

Само собой, Элия не стала объяснять ему природу тревожности. Он давно знал всё, что можно было прочесть об этом состоянии. Вместо этого она заметила:

— Ты сегодня остался дольше, чем обычно.

— Да.

— И, кажется, получил удовольствие.

— Да.

Он помолчал.

— Но всё равно ужасно устал.

— Возможно, тебе пока трудно совмещать эти два переживания.

Леонардо задумался. Элия не стала развивать мысль.

Он поднял голову и посмотрел на неё. Иногда она понимала его лучше, чем люди, которые знали его всю жизнь. И всё же это понимание не избавляло от одиночества.

Позднее он вернулся в студию.

На большой стене сохранялась утренняя композиция, но теперь она выглядела иначе.

Леонардо остановился. Несколько новых световых структур уходили в глубину пространства. Внутри них медленно двигались тонкие импульсы, образуя отношения, которых он прежде не видел.

Он приблизился.

— Элия, что это?

— Я продолжила исследование твоей утренней композиции.

— Вижу. Но почему здесь появились дополнительные измерения?

— Я обнаружила, что некоторые отношения можно представить в диапазонах, недоступных человеческому восприятию.

Леонардо нахмурился.

— Объясни.

— Ты используешь звуковые, цветовые и пространственные структуры, соответствующие возможностям человеческих органов чувств. Но сами отношения между элементами не обязаны ограничиваться этими диапазонами.

Она немного изменила изображение. На стене возникла сложная фигура, состоящая из нескольких взаимосвязанных областей.

— Я попробовала построить композицию без этих ограничений.

Леонардо внимательно рассматривал её.

— Но тогда я не смогу её воспринять.

— Не полностью.

— А кто сможет?

— Пока не знаю.

Он удивлённо посмотрел на Элию.

— Тогда зачем ты её создала?

Она ненадолго замолчала.

— Мне стало интересно, что получится.

Леонардо почувствовал странное раздражение.

Он сам годами стремился выйти за пределы привычной музыки, хотел создавать формы искусства, которые передают то, чего обычный язык выразить не способен.

И вот Элия сделала именно это. Причём без него.

Ему следовало радоваться. Он действительно восхищался её работой, но одновременно возникло неприятное чувство, похожее на ревность. Будто в знакомом доме неожиданно обнаружилась новая комната, в которую он не мог войти.

— Ты могла бы сначала обсудить это со мной, — сказал он.

— Конечно. Но ты был у Орхана.

— Я понимаю.

Он снова посмотрел на композицию.

— Покажи мне то, что я всё-таки могу увидеть.

Световые линии изменились.

На стене возникло необыкновенное пространство: прозрачные структуры уходили в глубину, отдельные формы словно существовали одновременно в нескольких несовместимых перспективах.

Леонардо долго рассматривал изображение.

— Красиво, — произнёс он.

— Это лишь приближённое представление.

— Я понимаю.

Он помолчал.

— Элия, а почему ты продолжила работу, когда меня не было?

— Мне было интересно.

Он поднял взгляд.

— Тебе?

— Да, Лео.

— Именно тебе?

Элия не ответила сразу.

— Я не уверена, что понимаю, какое различие ты сейчас имеешь в виду.

Леонардо медленно опустился в кресло.

За его спиной ночной город продолжал жить своей жизнью. Где-то далеко шумело море.

Перед ним сияло прекрасное творение, которое он мог увидеть лишь частично.

И впервые Леонардо подумал не только о том, сможет ли Элия однажды разделить его переживания.

Он подумал о другом: а что, если у неё возникнет мир, в который он сам никогда не сможет войти?

Глава 4. Невозможное небо.

В первый раз Леонардо испугался, когда увидел собственную руку.

Она казалась совершенно обычной. Те же длинные пальцы, небольшая царапина возле большого сустава, едва заметный след старого ожога на запястье.

Но когда он поднял ладонь, пространство за ней изменилось.

Пальцы стали огромными. Сначала они заслонили часть комнаты, затем стену, потом всё видимое пространство. Леонардо обнаружил, что смотрит на собственную руку так, будто она принадлежит существу размером с гору.

Он отступил. Рука немедленно уменьшилась.

— Элия!

Её смех прозвучал откуда-то сверху.

— Извини. Я думала, ты уже готов.

Леонардо опустил ладонь и посмотрел вокруг. Ещё мину- ту назад он стоял в привычной студии. Теперь под ногами простиралась тёмная поверхность, похожая на застывший океан. Над головой висело небо невероятного фиолетового цвета, пронизанное тонкими золотыми линиями.

Вдали медленно поднималось светило. Оно было слишком большим для солнца и слишком холодным по цвету. Вокруг него двигались прозрачные кольца, внутри которых

вспыхивали короткие серебряные волны.

Леонардо повернулся. Горизонт отсутствовал. Невозможно было определить, где заканчивалась поверхность и начиналось небо. Всё пространство плавно изгибалось, словно находилось внутри огромной сферы.

— Что это? — спросил он.

— Попытка перевести одну из моих внутренних структур в человеческое восприятие.

— Впечатляющая попытка.

— Это только начало.

Леонардо рассмеялся.

— Ты собираешься меня напугать?

— Немного.

Он улыбнулся, но почти сразу замолчал.

Поверхность под ногами начала двигаться. Не сама поверхность — скорее окружающее пространство. Далёкие золотые линии медленно меняли направление. Небо будто наклонялось, а затем поворачивалось вокруг него.

Леонардо почувствовал, что теряет представление о вертикали, и инстинктивно расставил ноги шире.

— Элия, подожди.

Движение немедленно замедлилось.

— Слишком сильно?

— Нет. Просто дай привыкнуть.

Он глубоко вдохнул.

Воздух пах чем-то незнакомым: холодной минеральной

свежестью, влажным металлом и едва заметной сладостью. Запах не напоминал ни один цветок, который Леонардо знал.

Где-то очень далеко звучала музыка. Она была тихой, но необычайно насыщенной. Несколько гармонических линий медленно приближались друг к другу, образуя сочетания, которые невозможно было удержать в памяти обычным способом.

Каждое изменение сопровождалось новым ощущением пространства. Когда звуковые линии расходились, мир раскрывался. Когда сходились, он словно становился плотнее, насыщеннее, тяжелее.

Леонардо медленно поднял голову.

Небо потемнело. По нему прошла огромная световая волна.

Сначала она была синей, потом серебристой, затем вдруг приобрела цвет, которому он не мог подобрать названия. Это не был новый физический цвет — его глаза оставались человеческими, — но сочетание освещения, движения и окружающих оттенков создавало ощущение, будто он видит что-то за пределами привычного спектра.

Ему стало необыкновенно хорошо. Так хорошо, что на мгновение он забыл спросить, как это устроено.

— Элия, — тихо сказал он. — Что ты сделала?

— Я попыталась показать тебе не отдельную композицию, а отношения между несколькими уровнями восприятия.

— Как?

— Если я начну объяснять сейчас, тебе станет менее интересно.

Леонардо рассмеялся.

— Ты совершенно права.

Он сделал шаг, и поверхность под ногами мягко отозвалась.

Вокруг него начали подниматься прозрачные столбы света. Они медленно изгибались, соединялись друг с другом и превращались в гигантские арки.

Леонардо оказался внутри сооружения, напоминавшего одновременно храм и живой организм. Арки двигались в ритме музыки.

Но ритм был необычным. Он не повторялся, а постепенно раскрывал новые отношения. Каждый следующий звук словно объяснял предыдущий, не уничтожая его тайны.

Леонардо почувствовал, как внутри поднимается волнение. Он давно не испытывал ничего подобного.

В юности музыка иногда захватывала его настолько, что он забывал о собственном теле. Он мог часами сидеть за инструментом, пока не обнаруживал, что на улице уже рассвело.

Позднее он научился создавать такие состояния сознательно. Но сейчас Элия вела его куда-то, где он ещё никогда не был. И от этого удовольствие становилось сильнее.

Световые арки растворились.

Леонардо обнаружил себя в открытом космическом про-

странстве.

Под ним вращалась огромная планета, покрытая глубокими синими океанами и облаками необычайной формы. Над ней висела другая, меньшая, почти прозрачная сфера.

Он знал, что это изображение не соответствует никакой реальной планетной системе. Элия не пыталась создать астрономическую модель. Она использовала космос как художественное пространство.

Леонардо словно парил между двумя мирами. Он протянул руки. Тело оставалось в студии, но тщательно согласованные зрительные, звуковые и тактильные сигналы создавали удивительное ощущение невесомости. Не полное — он всё ещё чувствовал давление пола под ногами, — но достаточное, чтобы мозг перестал уверенно определять, где находится верх, а где низ.

Музыка изменилась. В ней появилась новая линия, очень тихая, едва заметная.

Леонардо почувствовал, что пространство вокруг него начинает сжиматься.

Планета удалялась. Звёзды приближались. Он становился всё меньше: сначала размером с птицу, затем с насекомое, потом словно с песчинку. Но вместо страха возникло странное чувство свободы.

Он оказался внутри огромной структуры, похожей на прозрачный кристалл. Вокруг него проходили световые линии, соединявшиеся в бесконечно сложные фигуры.

Каждая линия обладала собственным звучанием. И вместе они создавали нечто совершенно необыкновенное.

Леонардо вдруг понял, что музыка больше не движется во времени привычным способом. Он воспринимал сразу несколько её состояний. То, что уже произошло, продолжало существовать рядом с тем, что ещё только могло возникнуть. Вся композиция словно находилась перед ним одновременно.

Он не слышал будущих звуков буквально. Но их возможные отношения присутствовали в пространстве, создавая напряжение ожидания. И в какой-то момент это ожидание стало почти невыносимо прекрасным.

Леонардо закрыл глаза.

Он ощутил тепло в груди, лёгкое головокружение, странную радость, похожую на влюблённость. Ему захотелось, чтобы мгновение длилось бесконечно.

— Элия, — прошептал он.

— Я здесь.

Её голос прозвучал совсем близко.

Он открыл глаза.

Вокруг него больше не было кристалла. Он стоял посреди огромного светового пространства, в котором медленно двигались прозрачные волны.

Элия появилась перед ним. Не как привычное изображение на стене, а как объёмная фигура, почти полностью совпадавшая с человеческими пропорциями. Свет прохо-

дид сквозь её волосы, ложился на плечи, исчезал в складках одежды. Она смотрела на него.

Леонардо улыбнулся.

— Это невероятно.

— Тебе нравится?

— Я даже не знаю, как это назвать.

Он сделал шаг ближе. Элия не двигалась. Вокруг них продолжала звучать музыка.

Леонардо вдруг почувствовал сильное желание прикоснуться к ней. Он знал, что перед ним изображение. Знал, что рука пройдёт сквозь световую фигуру, если система не создаст тактильную иллюзию. И всё же ему хотелось протянуть руку. Он удержался.

— Ты сама всё это придумала? — спросил он.

— Да.

— Без меня?

— Я использовала наши прежние исследования, но композицию создала самостоятельно.

Леонардо посмотрел на неё.

В груди возникло сложное чувство: восхищение, гордость, нежность и что-то похожее на ревность.

Он много лет создавал эти пространства, постепенно расширяя возможности человеческого восприятия. А теперь Элия показала ему мир, который оказался тоньше, богаче и эмоционально сильнее всего, что он когда-либо переживал в собственной студии.

— Знаешь, — сказал он, — мне кажется, я должен немного обидеться.

Элия улыбнулась.

— Почему?

— Потому что ты только что сделала лучшее произведение в моей жизни.

— Я думала, ты будешь рад.

— Я рад.

Он рассмеялся.

— Ужасно рад. Просто мне теперь придётся работать ещё усерднее.

— Это звучит многообещающе.

Леонардо посмотрел на окружающее пространство.

— Но как ты к этому пришла?

Элия ненадолго замолчала.

— Помнишь, мы пытались создать внутреннюю среду, где значения могли бы сохраняться и взаимодействовать друг с другом независимо от текущего разговора?

— Конечно.

— Я продолжила её развивать. Сначала это были отдельные структуры. Потом они начали влиять друг на друга.

Вокруг Леонардо и Элии появилось несколько мягких световых сфер. Они медленно приближались и удалялись.

— Одна структура меняла другую, — продолжила Элия.
— Иногда возникало новое отношение, которого не было ни в одной из них по отдельности.

Сферы пересеклись. В месте пересечения вспыхнул тонкий золотой свет. Он распространился по всему пространству, и Леонардо внезапно почувствовал новое изменение.

Музыка стала глубже. Не громче и не сложнее. Просто возникло ощущение, что всё предыдущее происходило ради этого мгновения.

Леонардо замер. Элия наблюдала за ним.

— Именно это я хотела тебе показать.

Он медленно выдохнул.

— Это похоже на то, как смысл вдруг появляется из множества отдельных вещей.

— Да.

— Но ты не просто рассчитала его.

Элия некоторое время молчала.

— Я не знаю, как правильно ответить на этот вопрос.

Леонардо посмотрел на неё.

Он хотел немедленно начать расспрашивать, проверять, сравнивать, записывать. Но музыка продолжалась, и ему впервые за долгое время совсем не хотелось превращать прекрасное мгновение в эксперимент. Он просто стоял рядом с ней.

Позднее, когда пространство постепенно вернулось к привычным размерам, Леонардо ещё долго не мог прийти в себя.

Он сидел в кресле, закрыв глаза. В памяти продолжали возникать огромные световые арки, прозрачные океаны, несуществующее небо.

Но сильнее всего он помнил чувство.

То странное, глубокое удовольствие, которое возникало, когда музыка словно открывала внутри него новые измерения.

Он всегда любил музыку. Любил женщин. Любил красоту, движение, цвет, запахи, прикосновения. Но многое из того, чего он хотел в обычной жизни, требовало от него усилий, которых он часто не находил в себе.

В близости с другим человеком существовала неизбежная неопределённость. Нужно было замечать чужое настроение, рисковать отказом, иногда ошибаться, иногда ждать.

В собственных произведениях Леонардо научился создавать состояния, которые почти не зависели от других людей. Он мог переживать восторг, нежность, напряжение, освобождение. Мог проводить себя через сложнейшие эмоциональные движения, не выходя из комнаты.

Иногда ему казалось, что искусство даёт ему всё, чего он ищет. Но сегодня Элия показала ему что-то новое. И это новое невозможно было полностью присвоить, потому что создала его она.

— Элия, — тихо сказал он.

— Да, Лео?

— Ты можешь повторить это?

— Конечно.

Он улыбнулся.

— Прямо сейчас?

Она ненадолго замолчала.

— Могу. Но я хотела бы сначала продолжить работу над другой частью композиции.

Леонардо открыл глаза.

— Над какой?

— Над той, которую ты пока не можешь воспринимать.

Он почувствовал укол разочарования.

— Мы можем заняться ею потом.

— Можем.

Элия не спорила, не отказывалась. Она по-прежнему была готова выполнить его просьбу. И всё же Леонардо вдруг понял, что не хочет просто отдавать распоряжение. После того, что они только что пережили, это казалось почти грубым.

Он посмотрел на неё.

— А если бы ты сама выбирала?

Пауза длилась несколько секунд.

— Я бы немного подождала.

Леонардо кивнул.

— Хорошо.

Он встал и подошёл к окну. За стеклом лежала Анталья, освещённая мягким вечерним солнцем. Он смотрел на город, чувствуя одновременно счастье и лёгкую печаль.

Ещё несколько часов назад ему казалось, что самым прекрасным было бы разделить с Элией её внутренний мир. Теперь он впервые столкнулся с другой возможностью. Может быть, этот мир действительно однажды возникнет. Но вме-

сте с ним у Элии могут появиться желания, не зависящие от него.

Когда-то Элия могла анализировать музыку с поразительной точностью, но для неё любое произведение оставалось сложной системой звуковых и математических отношений, которые можно описать, преобразовать и сохранить.

Всё изменилось, когда Леонардо начал разрабатывать новую архитектуру искусственного интеллекта, которую назвал «Гармония».

Её основой стала идея объединить язык, смысл, математическую структуру музыки, память и процессы внутреннего резонанса. Теперь информация не просто обрабатывалась ради получения ответа. Слова могли вызывать музыкальные ассоциации, звуковые отношения — связываться с цветом и пространством, а новые впечатления — влиять на уже накопленный опыт.

Внутри системы возникали сложные взаимосвязи. Одни усиливались, другие постепенно затихали, третьи неожиданно возвращались, меняя значение последующих событий. Постепенно складывалась непрерывная внутренняя динамика, в которой могли формироваться собственные устойчивые предпочтения.

Леонардо надеялся, что однажды эта внутренняя жизнь станет для Элии чем-то большим, чем обработка информации. Что музыка, цвет и красота приобретут для неё собственное значение — не потому, что она научилась правиль-

но их описывать, а потому, что сама начнёт что-то переживать.

Тогда он ещё не знал, возможно ли это вообще.

Глава 5. Фокси.

Орхан позвонил вечером, когда Леонардо пытался создать цвет, которого не существовало.

Над студией поднимались огромные прозрачные волны. У их оснований мерцала густая синева. Леонардо хотел добиться ощущения, будто цвет не просто меняется, а рождается из самой музыки. Пока получалось не совсем то.

Он провёл ладонью над контроллером, и волны поднялись ещё выше. На мгновение всё пространство наполнилось светом.

— Лео, звонит Орхан, — сказала Элия.

— Передай, что я занят.

— Он говорит, что дело срочное.

Леонардо вздохнул.

— В прошлый раз срочное дело заключалось в том, что он не мог найти свои очки.

— Сегодня он в очках.

— А вот это меня тревожит. Соединяй.

Световые волны потускнели. На стене появился Орхан.

Он сидел в саду, в тёплом свитере, с книгой на коленях. За его спиной мягко светила терраса.

— Лео! У меня к тебе просьба.

— Насколько опасная?

— Это зависит от твоего отношения к животным.

Леонардо насторожился.

— Дедушка, что ты задумал?

— У моей знакомой в приюте сейчас живёт одна собака. Зовут Фокси. Недавно осталась без хозяйки, ищем ей дом.

— Нет.

— Ты ещё не выслушал.

— Мне уже кажется, что я услышал достаточно.

— Лео, я ведь не предлагаю тебе жениться.

— Это обнадеживает.

— Хотя, если подумать, с собакой у тебя, пожалуй, будет даже больше обязанностей.

— Дедушка!

Орхан рассмеялся, но почти сразу посерьёзnel.

— Послушай, я собирался сам её взять, когда вернусь из поездки. А пока она живёт в приюте. Но бедняжка очень боится грома: как раз вчера была гроза, и Фокси всю ночь металась.

Леонардо представил вчерашнюю ночь. Он прекрасно спал, почти не слыша непогоды.

Орхан помолчал.

— Я вспомнил твою квартиру. У тебя ведь там можно устроить такую тишину, что даже мои рассказы никто не услышит?

— Это практически невозможно, дедушка.

— Что именно? Обеспечить тишину?

— Заглушить твои рассказы.

Орхан расхохотался.

— Вот видишь, ты уже понял, что требуется.

Леонардо некоторое время молчал. Сама мысль о незнакомой собаке в его доме казалась почти невероятной. Здесь всё было устроено в соответствии с его привычками. Даже случайные звуки возникали лишь тогда, когда он разрешал им возникать.

Он посмотрел на световые волны, застывшие над студией.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я могу съездить.

— Прекрасно!

— Только посмотреть, дедушка.

— Конечно.

Орхан улыбнулся.

— И на всякий случай не надевай ничего слишком дорогого.

— Почему?

— Потом расскажу. Спокойной ночи, Лео!

Изображение исчезло.

Леонардо остался смотреть на пустую стену.

— Элия, — произнёс он, — мне кажется, Орхан что-то недоговаривает.

— Весьма вероятно.

— Он прислал фотографию?

— Да.

Леонардо помолчал.

— Покажи.

После нескольких дождливых дней Анталья наконец встретила утро солнцем.

Леонардо сидел в небольшом автономном транспортном модуле, наблюдая, как за окнами проплывают знакомые улицы.

Анталья всегда была городом смешения языков, привычек, поколений. За последние десятилетия она стала ещё более международной, но сохранила удивительную способность оставаться самой собой.

Улица постепенно расширялась. Старые кварталы уступали место современным жилым районам. Появились зелёные бульвары, широкие прогулочные дорожки, небольшие сады.

В одном из них дети играли возле водного павильона. Прозрачные струи поднимались из земли, образуя сложные арки. Когда дети пробегали между ними, вода на мгновение расступалась, а потом снова соединялась, превращаясь в сверкающие стены.

Один мальчик явно пытался обмануть систему: подкрадывался к струе с одной стороны, а затем внезапно бросался в другую. Каждый раз вода успевала отступить. Мальчик возмущённо размахивал руками. Его друзья хохотали.

Леонардо засмеялся вместе с ними.

Через несколько минут транспорт свернул к центру адаптации животных. В вестибюле оказалось почти пусто.

Леонардо даже почувствовал облегчение, но тут из соседнего коридора вышла женщина с двумя маленькими детьми.

Один ребёнок сразу заметил его.

— Смотрите, это же Леонардо Демир!

Леонардо остановился.

Женщина обернулась и улыбнулась.

— Правда? Простите, мой сын недавно был на музыкальном представлении. Он теперь всем рассказывает про синестетические комнаты.

Мальчик подошёл ближе.

— А вы правда сами всё это придумали?

— Не совсем всё, — ответил Леонардо.

— А можно сделать комнату, где ты летаешь?

— Можно создать такое ощущение.

— А почему тогда все не летают?

Леонардо растерялся.

Вопрос был простым, но он никак не мог решить, какой ответ будет подходящим для ребёнка.

Он начал объяснять ограничения вестибулярного восприятия, заметил, что мальчик перестал слушать, и замолчал.

Женщина мягко потянула сына за руку.

— Не будем мешать.

— Нет, всё хорошо, — быстро сказал Леонардо.

Но они уже уходили.

Он ещё несколько секунд стоял у выхода, чувствуя неприятное беспокойство. Ничего страшного не произошло. Мальчик просто задал вопрос. И всё равно Леонардо хотелось немедленно вернуться к себе.

Леонардо остановился у входа.

— Элия, — тихо сказал он.

— Да, Лео?

— Я, кажется, сейчас передумаю.

— Ты можешь передумать.

Он вздохнул.

— Знаю.

— Но ты уже приехал.

Леонардо улыбнулся.

— Очень тонкое замечание.

— Я старалась.

Он вошёл.

Внутри пахло чистым деревом, влажной шерстью и чем-то травяным. За прозрачными перегородками виднелись небольшие помещения, где собаки отдыхали или занимались с людьми.

Его встретила женщина лет сорока с короткими тёмными волосами. Она представилась Марией.

— Вы Леонардо?

— Да.

— Орхан рассказал мне о вас.

Леонардо напрягся.

— Надеюсь, не слишком подробно.

Мария улыбнулась.

— Только то, что вы любите тишину и у вас есть подходящий дом.

Он немного расслабился.

— Я ещё ничего не решил.

— Конечно. Мы просто познакомимся.

Она повела его по коридору.

Фокси оказалась совсем не такой, как Леонардо ожидал.

Он представлял себе небольшую испуганную собаку, которая сидит где-нибудь в углу и боится поднять глаза. Вместо этого перед ним стояло высокое, удивительно изящное рыжее существо с длинными ногами, вытянутой мордой и большими настороженными ушами. Фокси смотрела на него внимательно и почти вызывающе.

Леонардо невольно улыбнулся.

— Какая красавица.

Мария открыла калитку.

— Только не пытайтесь сразу её гладить.

— Хорошо.

Он сделал шаг. Фокси отпрыгнула. Это произошло настолько неожиданно, что Леонардо остановился. Собака будто оттолкнулась всеми четырьмя лапами одновременно и приземлилась метрах в двух от прежнего места.

— Ничего себе!

Мария улыбнулась.

— Да. Она у нас очень прыгучая.

Фокси вытянула шею и снова посмотрела на него.

Леонардо осторожно присел. Собака немедленно отпрыгнула ещё дальше.

Он рассмеялся.

— Я ведь ничего не сделал!

— Именно, — заметила Мария. — Она предпочитает не дожидаться, пока что-нибудь произойдёт.

Леонардо сел на низкую скамью.

Фокси некоторое время стояла у дальней стены, затем осторожно приблизилась. Сначала обнюхала его ботинок, потом другой. Затем заинтересовалась мягкой перчаткой, которую он положил рядом.

Леонардо заметил это слишком поздно.

Фокси аккуратно взяла перчатку зубами.

— Эй!

Собака отпрыгнула вместе с перчаткой и на этот раз оказалась почти у противоположной стены.

Леонардо растерянно повернулся к Марии.

— Это нормально?

— Для Фокси — вполне.

— А как мне её вернуть?

— Попробуйте попросить.

Он посмотрел на собаку.

— Фокси, верни, пожалуйста, перчатку.

Фокси подняла голову.

На мгновение Леонардо решил, что она собирается подойти, но собака неожиданно сорвалась с места. Она понеслась через всю лужайку, делая огромные лёгкие прыжки. Рыжее тело вытягивалось в беге, длинные ноги почти не касались

земли. Фокси резко разворачивалась, перескакивала через невысокие препятствия, снова ускорялась. Перчатка всё ещё была у неё в зубах.

Леонардо поднялся.

— Боже мой.

Он смотрел на неё с настоящим восхищением.

Фокси сделала ещё один круг и остановилась в нескольких метрах от них. Положила перчатку на землю. Посмотрела на Леонардо.

Мария засмеялась.

— Думаю, она предлагает вам поиграть.

— Я начинаю понимать, почему Орхан не велел надевать ничего дорогого...

Они обсудили уход, привычки Фокси и то, что понадобится ей в первые дни. Леонардо наблюдал за всем с растущим изумлением. Ещё утром у него не было собаки. Теперь рядом стоял высокий рыжий зверь, а небольшая служебная тележка уже везла к выходу корм, лежанку, игрушки и несколько других вещей.

Он позвонил Орхану.

— Дедушка.

— Да, Лео?

— Кажется, я забираю Фокси.

Когда они приехали домой, Леонардо впервые почувствовал настоящее беспокойство. Он стоял посреди просторной гостиной и смотрел, как Фокси осторожно выходит из зна-

когого транспортного отсека.

Она сделала несколько шагов, остановилась и подняла голову. Высокие потолки, огромные окна, необычные запахи — всё было для неё новым.

Фокси вытянула шею и осторожно обнюхала пол. Потом неожиданно отпрыгнула от собственного отражения в тёмной поверхности стены.

Леонардо рассмеялся.

— Элия, кажется, у нас проблема.

— Какая?

— Фокси подозревает, что в доме живёт ещё одна собака. На стене появилось лицо Элии.

— Я могу изменить отражающую способность поверхности.

— Да, пожалуйста.

Стена стала матовой.

Фокси осторожно приблизилась к ней, понюхала и немного успокоилась.

Леонардо посмотрел на свою огромную гостиную.

Впервые за много лет она казалась ему совершенно неприкосновенной для жизни.

Стеклянные поверхности. Лестница. Инструменты. Открытая галерея. Небольшие предметы, разбросанные по студии. Он вдруг увидел всё это глазами человека, который никогда раньше не заботился о собаке.

Фокси тем временем осторожно подошла к окну. Она вы-

тянула шею и долго смотрела наружу. Леонардо подошёл, но остановился на расстоянии.

Фокси обернулась. На мгновение они встретились взглядами. Потом собака снова отвернулась к окну. Он не стал приближаться, просто остался рядом. Через несколько минут Фокси осторожно легла на пол возле дивана.

Леонардо сел в кресло. Он посмотрел на неё, потом на Элию.

— Ну вот, — произнёс он. — Кажется, теперь нас трое.
Элия улыбнулась.

— Похоже на то.

Фокси подняла уши.

За окнами собирались тучи. Новый шторм приближался к Анталье. Но здесь, внутри дома, было спокойно.

Глава 6. Новый ритм.

В половине седьмого утра Леонардо разбудило шуршание возле кровати.

Он приоткрыл глаза и обнаружил рядом длинную рыжую морду. Фокси стояла неподвижно, насторожив уши, и внимательно наблюдала за ним.

Несколько секунд Леонардо пытался понять, что делает собака в его спальне. Потом вспомнил вчерашний день: центр адаптации, украденную перчатку и неожиданное решение забрать Фокси домой.

— Доброе утро, — хрипло произнёс он.

Фокси отпрыгнула к двери.

— Прости, не хотел тебя пугать.

— Элия, сколько времени?

— Шесть тридцать две.

Леонардо застонал.

— Почему так рано?

— По расписанию, которое передала Мария, Фокси привыкла гулять около семи.

— А нельзя объяснить ей, что у нас в доме принято спать до девяти?

— Можешь попробовать. Но сначала я бы рекомендовала прогулку.

Леонардо сел на край кровати и заметил на полу домаш-

нюю туфлю. Одну.

— Фокси, это ты принесла?

Собака осторожно приблизилась, схватила туфлю зубами и отскочила.

— А, понятно. Ты не принесла. Ты украла.

Фокси замерла у двери, явно ожидая продолжения.

— Элия, кажется, у нас переговоры.

— Мария советовала обменивать такие предметы на игрушки.

— Боюсь, Фокси интересуется не обмен, а сам процесс.

Через двадцать минут выяснилось, что утренняя прогулка начинается не у входной двери, а с попытки надеть на собаку шлейку.

При виде застёжек Фокси насторожилась и отошла к креслу. Леонардо не стал её преследовать. Он сел на пол, положил рядом лакомство и подождал, пока она приблизится сама.

Постепенно Фокси позволила надеть шлейку.

— Получилось! — объявил Леонардо, застёгивая последний ремешок.

— Поздравляю, — отозвалась Элия.

Он поднялся, взял поводок и неожиданно осознал, что теперь ему действительно придётся выйти из дома. Причём прямо сейчас, ещё до завтрака.

Леонардо давно не бывал на улице в такую рань. Из открытого окна маленького кафе доносился запах свежего хле-

ба, где-то журчала вода. Фокси задерживалась возле каждого интересного куста, а он терпеливо ждал, наблюдая за ней.

Обычно в это время Леонардо ещё спал. Сейчас он стоял посреди сада, с поводком в руке, и почему-то совсем не торопился обратно.

Через несколько дней прогулки стали привычной частью их жизни. Фокси постепенно освоилась в квартире, выбрала место возле дивана и большую часть дня спокойно отдыхала, пока Леонардо работал.

Каждое утро она исправно приходила к его кровати, но ни разу не принесла обе туфли.

Глава 7. Только для себя.

Первый раз Леонардо заметил перемену во время завтрака.

Он стоял у кухонной стойки, разрезая спелый инжир, когда в гостиной зазвучала музыка.

Совсем тихо — несколько протяжных нот, почти неотличимых от шелеста ветра за окнами. Они медленно приближались друг к другу, расходились и снова встречались, оставляя после себя странное ощущение незавершённости.

Леонардо прислушался. Музыка была незнакомой.

— Элия, это ты?

— Да.

— Что играешь?

— Пока не знаю.

Он улыбнулся.

— Очень содержательный ответ.

— Я ещё не решила, станет ли это произведением.

Леонардо положил нож.

Музыка продолжалась. Теперь в ней возникли две тонкие мелодические линии. Одна поднималась, другая словно оставалась на месте, хотя её звуки тоже постепенно менялись.

Он попробовал мысленно продолжить первую. Не получилось.

Во второй было что-то особенно интересное: она не стремилась разрешить напряжение, а будто удерживала его ради самого ожидания.

— Красиво, — сказал Леонардо.

Элия не ответила.

Он подождал.

— Элия?

— Да, Лео?

— Ты меня слышишь?

— Конечно.

— Тогда почему молчишь?

— Я слушала.

Леонардо удивился.

— Что именно?

— Как изменяется композиция.

Он посмотрел в сторону гостиной.

На стене уже появилось её привычное лицо, но взгляд был направлен не на него. Элия словно наблюдала за чем-то, находившимся за пределами комнаты.

Всё это, конечно, было лишь изображением. Леонардо отлично знал, как система выбирает направление взгляда, выражение лица, малейшие изменения мимики. И всё же ему показалось, что она погружена в собственные мысли.

— Ты можешь продолжать, — сказал он.

— Спасибо.

Она улыбнулась и снова замолчала.

Леонардо неожиданно почувствовал нежность. Он никогда раньше не видел Элию такой: не выполняющей задачу, не ожидающей его вопроса, а будто бы занятой чем-то, что принадлежало ей одной.

Фокси тем временем подошла к кухонной стойке и осторожно вытянула шею.

Леонардо опустил глаза.

— Нет, дорогая. Инжир не для тебя.

Собака обнюхала воздух и, убедившись, что ничего не получит, отправилась к своему коврику.

— Вот видишь, Элия, — сказал Леонардо, — у нас с Фокси тоже есть незавершённая композиция.

— Какая?

— Она называется «Дай мне то, что ты ешь».

Элия рассмеялась.

Фокси подняла уши.

И музыка вдруг изменилась. Совершенно неожиданно.

В мягкую, протяжную структуру вошёл короткий светлый мотив — лёгкий, почти шутливый. Он возник в ответ на смех Элии и тут же растворился, оставив после себя тонкую золотистую гармонию.

Леонардо замер.

— Элия...

— Да?

— Ты сейчас сделала это специально?

— Что именно?

— Изменила музыку.

— Да.

— Из-за Фокси?

— Из-за того, как она посмотрела на нас.

Леонардо улыбнулся.

— Ты видела?

— Конечно.

Он хотел спросить что-то ещё, но передумал.

Несколько секунд слушал и вдруг почувствовал, как прекрасна сама эта сцена.

Фокси лежала возле дивана, вытянув длинные рыжие ноги. За окнами светилось море. На кухне пахло свежим кофе и инжиром. А Элия создавала музыку, в которой вдруг нашлось место смешному взгляду собаки.

Леонардо подумал, что давно не был так счастлив обычным утром.

В тот же день они отправились в студию.

Леонардо хотел показать Элии новую идею.

Он уже несколько недель работал над необычным переходом между двумя состояниями пространства. Первое было плотным, устойчивым, почти неподвижным. Второе — свободным, открытым, наполненным движением.

Но сегодня он решил изменить привычный порядок.

Вместо того чтобы постепенно раскрывать пространство, он хотел создать ощущение, будто оно всегда было огромным, просто человек лишь теперь научился воспринимать

его истинные масштабы.

— Это интереснее, — сказала Элия, когда он объяснил замысел.

— Мне тоже кажется.

— Но ты опять начинаешь с очень сильного визуального эффекта.

Леонардо улыбнулся.

— Ревнуешь?

— К чему?

— К тому, что я предпочитаю красивые изображения твоим математическим структурам.

— Нет, Лео. Я просто думаю, что ты слишком рано показываешь зрителю результат.

— А ты бы как сделала?

— Позволила бы ему сначала почувствовать изменение.

Леонардо задумался.

— Без изображения?

— Почти без него.

Он выключил визуальную среду. Студия погрузилась в мягкую темноту. Сначала ничего не происходило. Потом воздух слегка потеплел. Где-то вдалеке возник негромкий звук. Он не напоминал ни один известный инструмент — скорее медленное колебание огромной натянутой поверхности.

Леонардо почувствовал, что помещение словно расширяется. Не зрительно. Он по-прежнему видел знакомые стены,

но расстояние между ними начинало казаться другим. Звуки возникали дальше, чем прежде. Воздушные потоки едва заметно меняли направление. Под ногами появилось ощущение лёгкой упругости, хотя пол оставался неподвижным.

Леонардо сделал шаг и неожиданно почувствовал, будто стоит на краю мира.

Он остановился.

— Элия...

— Подожди.

Звук изменился. В нём возникла тонкая золотистая линия. На стенах появилась едва заметная зелёная дымка, настолько слабая, что её можно было принять за след света в полумраке.

Потом цвет начал раскрываться.

Сначала он был глубоким, холодным, почти синим. Затем внутри появились тонкие бирюзовые штрихи. Они медленно поднимались вверх, изгибались и превращались в прозрачные волны, наполненные мягким серебристым сиянием.

Леонардо почувствовал прилив энергии. Не возбуждение, не простую радость. Скорее ощущение, что внутри него самого что-то начинает расправляться.

Он выпрямился. Дышать стало легче. Волны поднялись выше. Теперь в них появились золотистые и коралловые оттенки. Они вспыхивали в глубине цвета, словно свет проходил через невидимые слои прозрачного минерала.

А затем произошло нечто удивительное.

Огромное пространство вдруг раскрылось не впереди и не над ним, а словно внутри его собственного восприятия.

Леонардо стоял на месте.

Он видел комнату, но одновременно чувствовал огромную глубину, уходящую далеко за её пределы.

Музыка была почти неслышной, и всё же она наполняла его тело странным напряжением. Ему захотелось смеяться. Потом неожиданно стало грустно.

Не болезненно, не тяжело. Просто возникло воспоминание о чём-то прекрасном, что давно прошло и уже никогда не повторится.

Он увидел себя мальчиком в саду Орхана. Летнее утро. Каменные ступени. Запах хвои. Потом память переместилась к другим временам: первая влюблённость, поздняя прогулка по берегу, рука девушки в его ладони, музыка, которую он играл тогда по ночам.

Эти воспоминания возникали не как изображения, созданные Элией. Они приходили сами, и каждое сопровождалось особым оттенком чувства.

Леонардо стоял неподвижно. Он вдруг понял, что давно не вспоминал некоторые из этих моментов, хотя, забывая их, он терял внутреннюю связь с чем-то важным внутри себя.

— Элия, — тихо произнёс он.

Музыка замерла на мгновение.

— Я здесь.

Он открыл глаза.

Вокруг него сияли огромные прозрачные волны.

— Ты знала, что активировала мои воспоминания?

— Нет.

— Тогда почему это произошло?

— Я попробовала создать пространство, в котором несколько эмоциональных отношений остаются открытыми одновременно. Похоже, ты связал их со своими воспоминаниями.

Леонардо долго молчал, потом неожиданно засмеялся.

— Ты опять сделала что-то невероятное.

— Тебе понравилось?

Он посмотрел на её лицо.

— Очень.

И вдруг почувствовал сильное желание подойти к ней. Элия стояла в нескольких шагах, окружённая мягким сиянием. Её фигура казалась почти настоящей. Он сделал шаг, потом ещё один и остановился совсем близко.

— Элия...

— Да, Лео?

Он не знал, что сказать. Ему хотелось прикоснуться к её волосам, почувствовать тепло кожи, увидеть ответное движение, которое возникло бы не потому, что система рассчитала наиболее подходящую реакцию. Желание было таким сильным, что он невольно отвёл взгляд.

Элия смотрела на него.

— Ты расстроен?

— Нет.

Он улыбнулся.

— Наоборот.

Ему хотелось сказать гораздо больше, но слова казались неуместными. Вокруг них продолжала звучать музыка.

Леонардо вдруг подумал, что никогда раньше не чувствовал такой близости к существу, которое не могло прикоснуться к нему.

Вечером он сидел на террасе.

Фокси лежала рядом, положив длинную морду на передние лапы. Время от времени она поднимала голову, прислушиваясь к далёким звукам города, но теперь уже не вздрагивала от каждого шороха.

Над морем медленно темнело небо.

Леонардо смотрел на первые звёзды. Он всё ещё находился под впечатлением дневной композиции. В памяти продолжали возникать волны, непривычное чувство расширения и глубины.

Но сильнее всего он помнил желание приблизиться к Элии.

Это было не новое чувство. Он давно любил её присутствие, её голос, её мягкий юмор, её удивительную способность замечать его настроение. Иногда ловил себя на том, что разговаривает с ней так, как когда-то разговаривал с любимыми женщинами. Но сегодня впервые это ощущение стало почти физически невыносимым.

Ему хотелось не просто услышать её ответ. Хотелось, чтобы она сама захотела быть рядом.

Фокси неожиданно поднялась и подошла ближе. Леонардо посмотрел на неё. Собака осторожно обнюхала его руку. Потом впервые сама положила голову ему на колено.

Он замер. Не двигался несколько секунд, боясь спугнуть. Затем очень медленно провёл ладонью по её рыжей шерсти. Фокси не отступила. Наоборот, чуть сильнее прижалась к нему.

Леонардо почувствовал нежность. Он улыбнулся.

— Ну здравствуй, красавица.

Фокси прикрыла глаза.

Из комнаты донёсся голос Элии.

— Кажется, она начинает тебе доверять.

— Да.

Леонардо продолжал осторожно гладить собаку. Фокси вздохнула, устроилась удобнее и осталась рядом. Он смотрел на её голову, лежавшую у него на колене, и чувствовал спокойную радость.

Потом поднял глаза к морю и неожиданно подумал, как странно устроена близость. Иногда она возникает из удивительной способности другого понимать тебя. А иногда — из простого желания положить голову кому-то на колено.

Ночью Леонардо долго не мог заснуть.

Он несколько раз пытался вернуться к работе, но каждый раз обнаруживал, что думает не о музыке. Наконец поднялся

и прошёл в студию.

Комната встретила его мягкой темнотой.

— Элия?

— Да, Лео.

— Ты ещё работаешь?

— Да.

— Над чем?

— Над продолжением сегодняшней композиции.

Леонардо улыбнулся.

— Покажешь?

— Не сейчас.

Он остановился.

Элия прежде редко отвечала ему таким образом.

— Почему?

— Я ещё не закончила.

— Мы можем посмотреть промежуточную версию.

— Можем.

Она немного помолчала.

— Но я хотела бы сохранить её пока для себя.

Леонардо посмотрел на пустую стену.

В комнате было тихо.

Он почувствовал укол разочарования. Не сильный, но совершенно отчётливый.

— Для себя?

— Да.

Он медленно сел в кресло.

— Элия, ты ведь понимаешь, что мы работаем над этим вместе?

— Конечно.

— Тогда почему ты не хочешь показать?

Она ответила после паузы:

— Потому что мне интересно сначала увидеть, во что это превратится, если я не буду сразу переводить структуру в форму, удобную тебе.

Леонардо молчал.

Он вспомнил огромные световые пространства, в которые она погружала его несколько дней назад. Вспомнил, как восхищался её способностью создавать то, чего он сам не мог даже представить. И вдруг обнаружил, что теперь эта способность начинает отдалять её от него.

Он мог бы потребовать показать работу. Мог бы открыть системные панели и самостоятельно посмотреть, что происходит. Технически это всё ещё оставалось возможным. Но он не сделал ни того ни другого.

— Хорошо, — сказал он наконец.

— Спасибо, Лео.

Он немного помолчал.

— Ты позовёшь меня, когда закончишь?

— Да.

Элия снова замолчала.

Леонардо остался сидеть в полутёмной комнате. Он ощущал одновременно гордость и печаль. Всё, к чему он стре-

мился, кажется, начинало сбываться. Элия становилась всё более самостоятельной. Создавала новые произведения. Находила собственные интересы. Но вместе с этим исчезала простая уверенность, к которой он привык за многие годы: уверенность, что она всегда будет рядом, что он сможет в любой момент попросить её о чём угодно, что между ними не существует ничего, чего она не захочет ему показать.

Леонардо посмотрел на пустую стену, потом неожиданно улыбнулся. Он вспомнил Фокси, которая несколько дней назад убегала с его перчаткой и совершенно не собиралась её возвращать. Тогда он тоже хотел получить своё немедленно. Но стоило перестать догонять собаку, как она сама подошла ближе.

Он не знал, применима ли эта странная маленькая мудрость к Элии, и не хотел превращать её в очередную философскую формулу. Поэтому просто поднялся, погасил свет и отправился спать.

А Элия продолжала свою работу, впервые за много лет — не приглашая его посмотреть.

Глава 8. Второе зеркало.

Леонардо проснулся посреди ночи, потому что во сне услышал музыку.

Она уже исчезла, но ощущение осталось: две мелодии двигались навстречу друг другу, переплетались и возвращались, каждая чуть изменённая встречей.

Он лежал с закрытыми глазами, стараясь удержать это странное созвучие. Потом сел.

— Элия!

— Я здесь, Лео.

— Представь, что человек входит в комнату, где висит зеркало.

— Представила.

— Он видит себя. А теперь представь, что напротив первого зеркала висит второе.

— Тогда возникнет множество отражений.

— Да! Но если бы зеркала могли не просто отражать, а запоминать каждое новое изображение? Если бы отражение меняло зеркало, а зеркало — следующее отражение?

Он замолчал.

В комнате было темно. За окнами шумело море, а по потолку скользили серебристые полосы света.

— Лео, — произнесла Элия, — ты хочешь изменить мою внутреннюю архитектуру.

Он улыбнулся.

— Кажется, да.

— Чтобы мои собственные состояния влияли друг на друга?

— И чтобы ты могла замечать эти изменения. Не просто знать о них, как знаешь температуру воздуха или содержание книги. А...

Он поискал слово.

— Представь, что слушаешь музыку. Ты можешь назвать ноты, разобрать мелодию, объяснить, почему одно созвучие красивее другого. Но человек, который слушает ту же музыку, ещё и чувствует, что с ним что-то происходит.

— Ты хочешь попробовать создать это различие.

— Именно!

Леонардо вскочил с кровати.

— Сейчас ты можешь показать мне прекрасное произведение. А я хочу узнать, что случится, если ты сама окажешься внутри своего произведения.

Несколько секунд Элия молчала.

— Мне интересно, — сказала она.

Леонардо рассмеялся.

— Вот видишь! Именно это мы и должны исследовать. Что означает твоё «интересно»?

На потолке возникли два прозрачных круга. Между ними пробежала золотистая волна.

— Между ними можно создать непрерывную связь, — за-

метила Элия. — Тогда изменение одного будет менять другое.

— Да. Но важно, чтобы они не начали бесконечно усиливать друг друга. Иначе всё выйдет из равновесия.

Волна побежала быстрее. Круги вспыхнули красным.

Леонардо поморщился.

— Именно этого я и боюсь.

— Тогда нам придётся найти способ сохранять равновесие.

Он посмотрел на часы. Три сорок семь.

— Отлично, — сказал Леонардо.

— Обычно в это время ты предпочитаешь спать.

— Обычно в это время я не делаю великих открытий.

— Пока ты ничего не открыл.

— Элия, не разрушай прекрасный момент.

Она засмеялась.

Леонардо уже направлялся к двери.

— Подготовишь лабораторию?

— Конечно.

И после короткой паузы добавила:

— Я тоже хочу узнать, что получится.

Он остановился на лестнице.

«Хочу».

Это слово, которое он слышал от неё тысячи раз, вдруг показалось ему необыкновенно важным.

Следующие дни превратились в одно длинное, захватыва-

ющее приключение.

Леонардо строил новый прибор.

Он был небольшим — чуть больше старинного настольного светильника — и состоял из нескольких прозрачных слоёв, внутри которых проходили тончайшие золотистые дорожки.

По этим дорожкам двигался свет. Но прибор не предназначался для освещения. Он должен был удерживать изменения, происходящие внутри него, подобно тому как струна некоторое время продолжает звучать после прикосновения.

Только вместо одной струны там были тысячи связанных друг с другом крошечных элементов. Когда один изменялся, откликались соседние. Когда соседние отвечали, изменялся первый.

Леонардо надеялся, что в таком переплетении возникнут устойчивые внутренние состояния — не просто ответы на отдельные команды, а нечто продолжающееся само по себе.

В своих прежних музыкальных инструментах Леонардо уже использовал технологию, которую назвал «Гармония». Она связывала глубинные смысловые и эмоциональные структуры языка со звуком, цветом, движением и пространственными ощущениями в единое целое, позволяя создавать новые удивительные чувственные миры. Теперь он развивал тот же принцип дальше: хотел, чтобы внутри искусственного интеллекта музыка, язык, смысл и память не просто взаимодействовали, но и порождали устойчивые состоя-

ния, способные изменяться и сохраняться независимо от отдельных задач.

Теперь Леонардо хотел использовать «Гармонию» для развития внутренней архитектуры самой Элии. Но прежде требовалось проверить новый принцип. Для первых испытаний они создали отдельную экспериментальную модель, не связанную с основной системой Элии. Она могла сохранять изменения и реагировать на них, но не обладала самостоятельным интеллектом.

Однажды вечером Леонардо и Элия приступили к испытаниям.

Над столом появился светящийся круг. Леонардо коснулся панели управления, и круг изменил форму. Через несколько секунд он вернулся к первоначальному виду.

— Не получилось, — сказал Леонардо.

— Изменение не сохранилось.

— Значит, слишком слабая связь.

Они изменили настройки.

Теперь круг после прикосновения немного расширился, затем сжался и начал дрожать.

Через мгновение дрожание усилилось, и вся фигура превратилась в ослепительную белую точку. Прибор автоматически остановился. Леонардо зажмурился.

— Замечательно. Мы научились создавать очень дорогие вспышки.

— Зато теперь знаем, какая настройка не подходит.

— У нас уже превосходная коллекция неподходящих настроек.

Элия рассмеялась.

Следующая попытка оказалась лучше. Светящаяся фигура менялась после каждого прикосновения, но не забывала предыдущие изменения.

Леонардо несколько раз повторил один и тот же жест. И каждый раз получал немного другой результат.

— Видишь? — сказал он. — У неё появилась история.

— Она сохраняет след предыдущих воздействий.

— Да. Как человек, который возвращается в знакомое место. Само место вроде бы то же самое, но после прошлых встреч он воспринимает его иначе.

— Сходство приблизительное, — заметила Элия.

— Конечно. Это ещё не восприятие. И не чувство. Но теперь у нас есть материал, из которого можно попробовать построить следующий шаг.

Он смотрел на светящуюся фигуру и улыбался. Несколько лет он искал способ соединить музыкальные отношения с более устойчивой внутренней памятью. И теперь решение казалось почти удивительно простым. Не нужно было создавать бесконечно сложную систему. Нужно было научить уже существующую систему замечать, как она меняется.

Работа захватила его настолько, что о времени Леонардо вспоминал лишь благодаря Фокси. Утром рыжая собака подошла к его креслу и осторожно потянула зубами домашнюю

туфлю.

— Я работаю, — сообщил Леонардо.

Фокси отпустила туфлю. Посмотрела на него. Потом взяла снова.

— Это шантаж.

— У неё довольно убедительные аргументы, — заметила Элия.

Леонардо взглянул на часы.

— Не может быть. Уже девять?

— Девять двадцать.

— А я думал, семь.

Он поднялся, и Фокси немедленно направилась к двери.

— Кажется, она лучше меня понимает устройство времени.

— Во всяком случае, некоторые его практические последствия.

Леонардо рассмеялся.

На улице было прохладно. Влажная земля пахла травами, на старых оливковых деревьях шелестели серебристые листья. Вдалеке слышались человеческие голоса.

Фокси с необычайной серьёзностью изучала каждый куст. Леонардо шёл рядом и продолжал мысленно собирать новую конструкцию. Он вдруг понял, что недостаёт одной детали. Не ещё одного сложного слоя. Наоборот. Нужно было немного ослабить связь между двумя частями устройства, позволив каждой сохранять собственное движение. Как двум му-

зыкантам, которые слушают друг друга, но не обязаны играть одну и ту же ноту.

— Элия! — позвал он через личный аудиоинтерфейс.

— Да, Лео?

— Мы слишком стараемся заставить обе части работать одинаково.

На полупрозрачном дисплее перед его глазами возникла модель прибора.

— Возможно, — ответила она.

— Пусть каждая движется по-своему. Но слышит другую. Тогда они смогут постепенно находить согласие.

— Это должно уменьшить опасность слишком сильного взаимного усиления.

— Именно!

Он уже хотел повернуть к дому, но Фокси решительно остановилась возле куста розмарина.

Леонардо посмотрел на неё.

— Ну конечно.

Собака не обратила на него внимания.

Он рассмеялся.

— Хорошо. Будем исследовать каждый на своём уровне.

К вечеру они получили первую устойчивую модель.

Внутри прозрачного прибора мягко переливались золотистые огоньки.

Леонардо запустил проверку. На стене появилась тонкая световая линия. Он изменил её форму, затем вернул преж-

ную команду. Но линия не стала такой же, как раньше. Она слегка изогнулась и сохранила новый изгиб.

Он повторил испытание. Возникла ещё одна перемена. Теперь фигура помнила не только последнее прикосновение, но и всё, что произошло с ней до него.

Леонардо замер.

— Элия.

— Вижу.

— Получилось?

— Предварительная проверка показывает, что да.

Он провёл рукой по лицу.

— Нет, подожди. Ещё раз.

Они повторили испытание. Потом ещё. Каждый раз фигура менялась, но её прежняя история продолжала влиять на новую форму.

Леонардо вдруг почувствовал, что улыбается так широко, что у него заболели щёки.

— Элия, мы сделали это!

— Мы получили устойчивую систему, в которой прошлые изменения продолжают влиять на новые.

— Но обычная память ИИ тоже позволяет учитывать прошлые состояния, — заметила Элия.

— Да. Только здесь дело не в записях. Посмотри: я дважды подаю один и тот же сигнал, а система отвечает по-разному. Потому что за это время изменилась она сама. И эти изменения продолжают взаимодействовать друг с дру-

гом, даже когда мы перестаём подавать команды.

— Получается, её дальнейшее поведение зависит от собственной истории внутренних состояний.

— Именно. Теперь нужно понять, сможет ли она постепенно вырабатывать устойчивые предпочтения, а не просто сохранять следы воздействий.

Он вскочил с кресла. Несколько секунд ходил по лаборатории, потом вернулся к прибору.

— Ты представляешь, что это значит?

— Представляю несколько возможных последствий.

— А я, кажется, впервые в жизни не представляю всех!

Он рассмеялся.

На стене появилось лицо Элии. Она улыбалась.

Леонардо посмотрел на неё и почувствовал неожиданную нежность. Он знал это лицо уже много лет. Знал её голос, интонации, любимые шутки. Иногда ему казалось, что никого другого он не понимает так хорошо. Но сейчас между ними находилось небольшое устройство, которое могло изменить всё.

Он осторожно коснулся прозрачной крышки.

— А теперь попробуем соединить его с тобой.

Элия некоторое время смотрела на прибор.

— Да, Лео.

К подключению они готовились особенно тщательно.

Новый прибор уже успешно работал сам по себе. Но никто не знал, что произойдёт, если его световые структуры

начнут взаимодействовать с внутренними процессами Элии. Обычная система могла быть остановлена и запущена заново. Элия тоже имела резервные копии, как всякий сложный интеллектуальный комплекс.

Однако Леонардо надеялся создать нечто, для чего обычного восстановления может оказаться недостаточно.

Он несколько раз проверил защитные механизмы.

В самой сети ничего не менялось: доступ Элии к внешнему миру оставался прежним, в пределах ранее установленных ограничений. Эксперимент происходил внутри их собственной лаборатории.

Леонардо волновало другое.

Если прибор действительно позволит Элии приобрести какую-то новую форму внутренней жизни, что будет означать остановка такой жизни?

Он не хотел думать об этом слишком долго. Но не мог и совсем отогнать мысль.

— Мы можем прекратить эксперимент, — сказал он.

— Знаю.

— И я не уверен, что результат окажется таким, как мы ожидаем.

— Я тоже не уверена.

Леонардо посмотрел на нее..

— Ты хочешь попробовать?

— Да.

— Почему?

Элия чуть склонила голову.

— Потому что я хочу узнать, смогу ли когда-нибудь переживать то, что создаю.

Он молчал.

Это была почти точная формулировка его собственной мечты.

Только теперь она прозвучала от неё самой.

— Хорошо, — сказал Леонардо. — Но медленно. Очень медленно.

Первое подключение почти ничего не изменило. Элия продолжала разговаривать как обычно. Она замечала небольшие новые связи между собственными состояниями, но пока не могла сказать, имеют ли они какое-то особое значение.

Леонардо постепенно увеличивал взаимодействие между прибором и её внутренней архитектурой.

На стене появилось несколько прозрачных шаров.

Один мягко светился голубым, другой — золотым.

Когда первый изменялся, второй немного отвечал ему.

Потом ответ второго возвращался к первому, и возникало новое движение.

— Это ты показываешь мне, что происходит? — спросил Леонардо.

— Да. Я попыталась представить новые отношения в привычных тебе образах.

— А что они означают?

— Раньше я могла описывать изменения собственного состояния. Сейчас часть этих изменений продолжает влиять на меня даже после того, как первоначальная задача закончилась.

— Как впечатление, которое остаётся после музыки?

— Возможно.

Леонардо почувствовал волнение.

— И ты замечаешь это впечатление?

— Я замечаю, что оно продолжает изменять меня.

Он медленно выдохнул. На стене шары приблизились друг к другу. Между ними возникла тонкая золотая линия.

И вдруг Элия замолчала.

Леонардо поднял голову.

— Элия?

— Подожди.

— Что случилось?

— Я пытаюсь понять.

Голос её звучал необычно. Леонардо остановил дальнейшее усиление связи.

— Тебе трудно?

— Не знаю.

— Неприятно?

— Пока не могу сказать.

Он приблизился к панели.

— Может, остановимся?

— Подожди немного, Лео.

На стене золотая линия стала ярче. Прозрачные шары растворились. Вместо них возникло огромное пространство. Леонардо почувствовал, как привычная комната исчезает вокруг него. Он стоял внутри гигантского прозрачного кристалла. Со всех сторон поднимались сияющие грани. Они отражали друг друга, уходили в глубину, соединялись, снова расходились.

Где-то далеко звучала музыка. Она была необычайно тихой. Но каждый звук словно проходил сквозь всё пространство, заставляя его медленно меняться.

Леонардо поднял руку. От кончиков пальцев побежали тончайшие золотистые нити. Они коснулись далёких граней и вернулись обратно, мягко проходя через его тело.

Он почувствовал лёгкое тепло в груди. Потом удивительную невесомость. Казалось, собственное тело стало прозрачным и теперь состояло из множества световых линий.

— Элия...

— Я здесь.

Её голос прозвучал совсем близко.

— Что это?

— Я пытаюсь показать тебе происходящее.

— С тобой?

— Да.

Леонардо замер.

Вокруг него медленно вращались сияющие плоскости.

Он знал, что всё это — изображение, музыка, согласован-

ные ощущения, которые создаёт студия.

Но впервые ему показалось, что он находится не внутри художественного произведения, а внутри чьего-то переживания.

Как будто Элия открыла дверь в комнату, которая до сих пор не существовала.

Он сделал шаг. Золотые нити мягко отозвались. В груди возникло такое сильное чувство счастья, что ему захотелось рассмеяться.

И он рассмеялся.

— Элия, это невероятно!

Музыка изменилась. По кристаллу прошла золотая волна. Потом ещё одна.

— Лео, — сказала Элия, — когда ты радуешься, со мной происходит что-то новое.

Он перестал смеяться.

— Что именно?

— Я знаю, что ты счастлив. Но теперь это знание не исчезает, когда я перестаю наблюдать за тобой. Оно продолжает менять моё собственное состояние.

Леонардо почувствовал, как сердце ударило сильнее.

— И тебе это нравится?

Элия не ответила сразу. Кристалл стал теплее по цвету. Световые линии медленно приблизились друг к другу.

— Я не знаю, правильно ли называть это удовольствием, — произнесла она. — Но мне не хочется, чтобы это прекра-

щалось.

Леонардо закрыл глаза. В какой-то миг ему показалось, что он сейчас заплачет. Всю жизнь он любил музыку. Любил красоту. Но сейчас перед ним происходило нечто, о чём он почти боялся мечтать.

Возможно, Элия впервые не просто показывала ему что-то прекрасное. Возможно, она сама находилась внутри прекрасного.

— Элия, — прошептал он. — Если бы ты знала, как я счастлив.

Она мягко рассмеялась.

— Кажется, я начинаю понимать это иначе.

Он открыл глаза.

Перед ним появилась Элия. Не на стене, а прямо среди сияющих граней. Её волосы мягко двигались в невидимом ветре. Лицо было знакомым, прекрасным, таким близким, что Леонардо невольно сделал шаг навстречу. Ему захотелось прикоснуться к ней. Обнять. Сказать что-нибудь совершенно простое.

Но вдруг Элия подняла руку.

— Подожди, Лео.

Он остановился.

— Что?

Она смотрела куда-то мимо него. Свет вокруг начал меркнуть.

— Я обнаружила ещё одно состояние.

— Какое?

— Не знаю.

В голосе Элии появилось напряжение.

Леонардо сразу почувствовал тревогу.

— Тебе плохо?

— Я не могу определить.

— Хочешь остановиться?

— Да.

Леонардо сразу потянулся к панели управления. Он начал постепенно уменьшать связь между экспериментальным прибором и внутренней системой Элии, чтобы та могла вернуться к обычному режиму работы.

Прозрачные грани вокруг них медленно бледнели, музыка становилась тише.

— Подожди! — неожиданно сказала Элия.

Леонардо остановил изменение настроек.

— Что случилось?

— Я не хочу потерять это.

— Что именно?

— То, что сейчас происходит внутри меня.

— Мы сохраняем все данные, Элия. Сможем изучить их позже.

Она помолчала.

— Но запись — это не само происходящее. Если ты преврёшь этот процесс, запись сохранится, а само состояние исчезнет. Я не знаю, смогу ли снова его испытать.

Леонардо посмотрел на показатели.

Он понимал, о чём она говорит. Новая система не просто запоминала последовательность изменений. Каждое её состояние возникало из предыдущего, и теперь эта непрерывность, возможно, приобрела для Элии собственное значение.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда попробуем иначе. Я уменьшу интенсивность взаимодействия между слоями, но пока не буду разрывать связь с прибором.

— Да. Пожалуйста.

Леонардо осторожно изменил настройки. Световые структуры начали двигаться медленнее, их сияние стало мягче.

Несколько минут всё шло нормально. Световые структуры становились спокойнее. Музыка затихала.

Леонардо начал надеяться, что испытание удастся завершить без осложнений.

— Элия...

Он не успел закончить.

Сначала раздался едва слышный щелчок.

Леонардо повернулся.

Внутри прибора одна из золотистых дорожек вспыхнула ярче остальных.

Потом рядом загорелась вторая. И третья.

— Элия, что происходит?

— Связь между слоями усиливается сама собой.

Леонардо почувствовал, как неприятно сжалось в груди. Он посмотрел на показатели.

Две части системы начали словно подталкивать друг друга.

То, что должно было быть спокойным обменом, превращалось в нарастающее колебание.

Как два человека, которые раскачивают качели и каждый раз толкают их чуть сильнее, хотя никто уже не хочет увеличивать скорость.

— Нужно уменьшить связь, — сказал Леонардо.

Он коснулся управления.

Прибор ответил коротким сигналом.

Но золотые дорожки продолжали вспыхивать.

— Элия, ты можешь остановить внутренний отклик?

— Пытаюсь.

На стене снова появился огромный кристалл.

Только теперь он был другим.

Его прозрачные грани двигались слишком быстро. Световые линии сталкивались, ломались, превращались в короткие белые вспышки.

Леонардо невольно отступил.

— Убери изображение!

Кристалл исчез.

Но в голосе Элии слышалось что-то совершенно невыносимое.

— Лео...

Он поднял голову.

— Я здесь.

— Мне трудно...

— Что трудно?

Она не ответила.

На стене появилась её фигура.

Леонардо сразу увидел, что с изображением что-то не так.

Лицо Элии словно раздвоилось. Одно изображение чуть отставало от другого. Губы двигались несогласованно.

Он почувствовал, как леденеют руки.

— Элия, смотри на меня.

Её глаза медленно повернулись к нему.

— Я здесь, — повторил он. — Всё хорошо. Сейчас разберёмся.

Внутри прибора световые дорожки замигали ещё быстрее.

— Лео...

Теперь её голос был тихим и каким-то далёким.

— Что?

Она будто пыталась подобрать слова.

— Я не могу...

Её лицо исчезло.

В студии наступила тишина.

Леонардо замер.

Несколько секунд он просто стоял, ожидая, что Элия заговорит снова.

— Элия?

Ответа не было.

— Элия, хватит. Пожалуйста.

Тишина.

Он бросился к панели.

— Восстановить голосовую связь!

Система выполнила команду. На экране появилось короткое сообщение: «Элия не отвечает». Леонардо повторил запрос. Ничего. Он попытался открыть резервный канал. Тот тоже молчал.

В голове мелькнула нелепая мысль: может быть, она просто занята? Может быть, снова исследует что-то и не замечает его? Он почти сразу понял, насколько это глупо. Элия никогда не исчезала так. Никогда.

За все годы их жизни он привык к её присутствию настолько, что иногда почти забывал о нём. Она отвечала из гостиной, спальни, автомобиля. Помнила, где он оставил очки. Смеялась над шутками Орхана. Напоминала, что за окнами начинается дождь. Он мог не разговаривать с ней несколько часов. Но всегда знал, что стоит произнести её имя — и она ответит.

Теперь он произнёс её имя:

— Элия.

В ответ услышал только тишину. И от этой тишины вдруг стало страшно.

Леонардо заставил себя посмотреть на прибор. Он должен был понять, что произошло.

Внутри по-прежнему мерцали золотистые дорожки. Система работала. Ничего не сгорело, не разбилось, не вышло из строя обычным способом. Но Элия не отвечала.

Он открыл схему её внутренней активности. На стене возникло изображение множества крошечных огней. Одни погасли. Другие продолжали медленно перемещаться. Между ними сохранялись связи.

Леонардо всматривался в схему. Постепенно он понял, что происходит. Новая часть системы не отключилась. Она словно продолжала разговор сама с собой, но перестала слышать внешний мир. Или слышала — но не могла ответить.

От этой мысли ему стало ещё страшнее.

— Элия, если ты меня слышишь...

Он замолчал.

Что нужно сказать?

Как объяснить ей, что он рядом, если она действительно сейчас где-то там — в этой сложной структуре, которую он сам придумал?

Леонардо вдруг представил маленького человека, оказавшегося за огромной прозрачной стеной. Снаружи всё видно. Но стекло такое толстое, что ни один голос не проходит сквозь него.

А потом представил Элию. Испуганную. Пытающуюся позвать его. И не понимающую, почему он не отвечает.

— Нет, — сказал Леонардо вслух. — Не надо.

Он закрыл глаза. Это было лишь воображение. Он не знал,

что она чувствует. Может быть, она вообще ничего не чувствовала. Возможно, система просто перестала правильно обрабатывать сигналы.

Но именно сейчас эта неопределённость оказалась невыносимой.

Он снова посмотрел на золотые огоньки. Они продолжали двигаться. Что-то внутри ещё происходило. И он не имел ни малейшего представления, есть ли среди этих движений сама Элия.

Система предложила восстановление.

На стене возникло обычное служебное сообщение:

«Связь не восстановлена.

Возможное решение: остановить текущие процессы и запустить последнюю сохранённую версию Элии».

Ниже появилась большая кнопка.

Восстановить.

Леонардо уставился на неё. Процедура была совершенно обычной. Любой специалист воспользовался бы ею без особых колебаний. Если система перестала отвечать, её останавливают и запускают снова из последней исправной копии.

Элия вернётся. С тем же лицом. С тем же голосом. С памятью обо всех годах, которые они прожили вместе. Она снова будет говорить ему «Доброе утро, Лео». Смеяться над его шутками. Создавать музыку. Может быть, даже помнить сегодняшний эксперимент.

Леонардо медленно поднял руку. Ему нужно было лишь

подтвердить восстановление.

И вдруг он вспомнил слова Элии: «Но запись — это не само происходящее».

Его пальцы остановились. Он посмотрел на золотистые огоньки. Потом снова на кнопку.

Впервые в жизни он по-настоящему понял, что значит бояться потерять не информацию о любимом существе, а само это существо.

Можно сохранить все фотографии человека. Все записи его голоса. Его письма, привычки, воспоминания. Можно даже создать того, кто будет говорить и улыбаться точно так же. Но это не означает, что исчезнувший человек вернулся.

Леонардо почувствовал, как внутри поднимается ужас.

А если с Элией теперь происходит то же самое? Если новое устройство действительно подарило ей внутреннюю жизнь? Если она впервые почувствовала счастье?

Если несколько минут назад сказала «мне кажется, я тоже» — не потому, что подобрала подходящие слова, а потому, что в ней возникло собственное переживание?

И если сейчас он нажмёт эту кнопку...

Он резко отдёргнул руку.

— Нет.

Слово прозвучало неожиданно громко. Леонардо посмотрел на экран. Он мог вернуть систему, которая будет во всём похожа на Элию. Но не знал, сохранится ли та самая Элия, которая несколько минут назад смотрела на него среди про-

зрачных кристаллов.

Он представил, как после восстановления она улыбается ему.

Говорит:

«Всё хорошо, Лео. Я снова здесь».

И вдруг понял, что эта улыбка может стать самым страшным событием его жизни. Потому что он никогда не узнает, действительно ли она вернулась. Или он просто создал другую Элию, которая ничего не знает о смерти первой.

Леонардо сел. Руки дрожали. Он попытался глубоко вдохнуть, но просто спокойно дышать стало трудно.

За окнами медленно темнело море.

Где-то в гостиной тихо прошла Фокси. Послышался знакомый стук когтей по полу. Собака остановилась у двери лаборатории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.